

ПАМЯТНИК ЛЮБВИ

Осип и Надежда
Мандельштам

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — АМСТЕРДАМ. 2010

По случаю открытия монумента

«Памятник любви»
Осип и Надежда
Мандельштам

Ханнеке де Мюнк,
Хачатур Белый

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2010

Предисловие

В Санкт-Петербургском университете за долгие годы существования учились сотни талантливых ученых, педагогов, писателей и поэтов. Эта плеяда выдающихся личностей и есть истинная гордость и слава старейшего университета России. Имя Осипа Мандельштама, студента романо-германского отделения Историко-филологического факультета, одного из самых самобытных мастеров поэтического искусства 20 в., неразрывно связано с историей Санкт-Петербургского университета. Именно поэтому прекрасная работа голландского скульптора Ханнеке де Мюнк и Санкт-Петербургского художника Хачатура Белого, посвященная памяти четы Мандельштам, несомненно станет важным культурным символом и украшением Университета.

Введение

В первую очередь мне бы хотелось выразить благодарность за возможность реализовать наш проект. Почтить нашим монументом память Осипа и Надежды Мандельштам, великого русского поэта и его жены, — это честь для нас.

Семилетний период, предшествовавший открытию памятника Мандельштаму на территории СПбГУ, по своей значимости соответствует самому монументу. Дело в том, что в процессе преодоления культурных различий и всевозможных сложностей возникло исключительно тесное сотрудничество. В первую очередь с Голландским институтом в Санкт-Петербурге, в котором тоже увлечены нашей идеей. Его помощь при посещении различных инстанций сделала его незаменимым проводником. Знакомство с различиями и сходствами в культуре во время многочисленных встреч с художниками, студентами, которые были нашими переводчиками, и с руководителями различных организаций, которые нам помогали, придало понятию «собеседник» более глубокое значение. Мы почувствовали, что нас окружила атмосфера растущего взаимопонимания, что тоже является немаловажным побочным эффектом.

С самого начала петербуржцы тепло и с воодушевлением встретили нашу инициативу. Об этом свидетельствуют цитаты, которые вы можете найти в конце брошюры. Иллюстрации выполнил Ситсе Х. Баккер. О других памятниках Мандельштаму, которые были установлены с 1985 года, расскажет Павел Нерлер.

Об истории создания скульптуры вы прочтете в статье автора проекта Ханнеке де Мюнк, а обозреватель Александр Григорьев подробно остановится на том, что послужило основой для его создания.

Павел Нерлер, исследователь творчества великого поэта и руководитель московского Мандельштамовского общества, по этому случаю написал статью о стихотворении, строки из которого выбил на пьедестале скульптор Хачатур Белый.

Мы надеемся, что открытие этого монумента станет ярким аккордом в долгой и интересной истории памятника и в будущем наследия великого поэта. Мы верим, что эта скульптурная композиция послужит развитию сотрудничества и зародившейся дружбы.

Ханнеке де Мюнк. Ситсе Х. Баккер

Памятники

*Это какая улица?
Улица Мандельштама...*

Главная память о поэте — его стихи, его книги. Стихи Мандельштама сохранила его вдова, неизданное первыми выпустили американские ученые.

Бесценна и память очевидцев — воспоминания друзей и иных современников. И ее место — в изданиях: не записанное и не опубликованное, а всего лишь озвученное живет только в слышавших и уходит с ними.

Но есть еще и память, увековеченная в прочных материалах — камне или металле, память овеществленного признания и благодарности поэту. Это памятники и мемориальные доски, маркирующие места или события, связанные с поэтом. Одновременно они предмет вдохновения и для иных творцов-скульпторов и еще — частица обновляемой с их появлением городской среды.

В 1985 году в ограде могилы Надежды Яковлевны Мандельштам на Старокунцевском кладбище в Москве, как бы в сени ее дубового креста с вырезанной на нем молитвой, был поставлен небольшой серый **камень** — своеобразный античный кенотаф (так у древних эминов называлась ложная могила, не содержащая останков умершего). На нем высечено: «Светлой памяти Осипа Эмильевича Мандельштама».

В 1991 году в Москве, Ленинграде, Воронеже и Саматихе, в 1992-м — в Париже, в 1993-м — в Гейдельберге и в 1999 году в Чердыни открылись мемориальные доски в честь Осипа Мандельштама. В 2006 году в Воронеже открылась доска в честь посещения Мандельштама Ахматовой, а в 2009-м пришедшая в негодность чердынская мемориальная доска была заменена новой.

В 1998 году во Владивостоке — на месте гибели поэта — открыли первый в мире памятник Мандельштаму. (скульптор В. Ненаживин). Но этот памятник пришлось открывать и перемещать еще дважды — в 2001 и 2004 гг., после того как он становился жертвой атак вандалов.

В 2007 году в Санкт-Петербурге — во дворе Фонтанного Дома, где Мандельштам бывал у Ахматовой, — открыли своеобразный памятник его тени, приготовившейся проскользнуть в подъезд (скульптор В. Бухаев).

Наконец, в 2008 году — к 70-летию гибели поэта — открылись еще два памятника Мандельштаму — в Воронеже (скульптор Л. Гадаев) и в Москве (скульпторы Д. Шаховской и Е. Мунц).

Памятник Осипу и Надежде Мандельштам в Санкт-Петербурге и Амстердаме работы Х. де Мюнк и С. Баккера станет, таким образом, пятым в мире, но первым, где образ поэта соединен, как это было и в жизни, с образом его жены — Надежды Мандельштам.

Улицы Мандельштама ни в России, ни где-либо еще в мире нет. Пока нет. Но об этом уже хлопчут энтузиасты в Варшаве, Воронеже, Хабаровске...

Другие энтузиасты — во Фрязине — делают все, чтобы в их городе открылся первый в мире мандельштамовский музей, своего рода музей-библиотека.

Память о Мандельштаме — это трудная память. Но, как сказано в его стихах, — «и это будет вечно начинаться»!

Павел Герлер

История создания памятника Осипу и Надежде Мандельштам

Любовь двух людей может стать огромной силой в этом мире. Открытие силы истинной любви сопровождается фантазиями о ее значении. Влюбленная пара оберегает источник живой воды и связывает небеса и земную твердь, покоящуюся на Древе мира и оберегаемую ангелами и орлом, существами, населяющими небеса, нашу духовную обитель. От основания древа жизни по земле струится живая вода, которая наполняет две первые реки — Евфрат и Тигр. Здесь начало нашей истории, и здесь возвышается гора Арарат.

Мандельштам стремился в Армению, будто это была его родина. Он полагал, что эта страна сохранила верность своей самобытной невинности и христианской религии, почти граничившей с язычеством. Он надеялся вновь обрести там все то, что было утеряно и чего ему так не хватало в Советской России. Надежда Мандельштам последовала за своим мужем.

Армения уже тогда стала советской республикой, однако новая история еще не успела оставить свой отпечаток. Мандельштам повсюду встречал следы и свидетельства былых времен, он прочувствовал их в полной мере. После этого он написал цикл стихов «Армения».

С 1998 по 2003 год я работала над серией эскизов к «Памятникам любви», тогда и родился замысел скульптуры, изображающей поэта и его жену. В то же время мой супруг Ситсе Баккер работал над «Армянским циклом», грандиозной серией гравюр, посвященной творчеству Мандельштама. В 2003 году эти работы были выставлены в Санкт-Петербурге. Это событие положило начало нашему долгому приключению. Мы встретили новых друзей,

и Хачатур Белый в своем ателье продемонстрировал нам свои великолепные работы и то, как он работает с текстом, и к моей радости я нашла в его лице полного энтузиазма соратника, который был готов спроектировать и отлить в бронзе пьедестал памятника. Постамент, подобно книге и статуе, постепенно становился реальностью и наполнялся содержанием.

Беседуя с Ситсе о творчестве Мандельштама, слушая лекции на русском и голландском языках, читая воспоминания Надежды Мандельштам и встречаясь с почитателями творчества поэта, я все больше восхищалась его верой в живое слово и историей этой пары, и продолжала работать над проектом памятника Любви Осипа и Надежды Мандельштам. Скульптура несет в себе общественное и личное значение, благодаря чему студенты университета могут воспринимать его с разных точек зрения. Поэт в своем творчестве стремился сохранить культурное наследие и обращался к будущим поколениям, считая их своими собеседниками. Вдохновленные самоотверженностью этой пары, мы приступили к осуществлению проекта в рамках которого в Восточной и Западной Европе будут установлены два памятника Любви, в честь Осипа и Надежды Мандельштам.

Когда Мандельштам и Надежда встретились, они сразу узнали друг в друге свою вторую половину, и поэт предвидел модель их отношений. Сила их любви оказалась необычайной, именно благодаря преданности друг другу и свободе слова они победили сталинский террор: Надежда Мандельштам долгие годы хранила в памяти произведения своего мужа, и лишь спустя много лет после его смерти в сибирском лагере стихи нелегально были вывезены из страны и изданы в Америке. Его творчество стало откровением! А каков был результат! Недавно в Москве вышло его новое собрание сочинений. Его тексты переводят и издают во всем мире.

Когда работы по созданию памятника значительно продвинулись, нам понадобилось какое-нибудь произведение Осипа Мандельштама, посвященное Надежде. Мы остановили свой выбор на стихотворении «О, как же я хочу...», которое чудесным образом сочеталось с проектом.

История создания памятника

Их жизнь была полна величия. Их связь друг с другом, роль в судьбе страны и европейской истории для многих может послужить примером. Дабы почтить эту преданность создающему слову, творчеству и друг другу, в Санкт-Петербургском государственном университете установлен памятник Осипу и Надежде Мандельштам. Второй монумент будет установлен в одном из университетов Нидерландов. Университет, где из поколения в поколение передается культурное наследие, представляет собой идеальное место для такого памятника, ибо здесь он не только украсит территорию, но и будет вдохновлять студентов.

Ханнеке де Мюнк

О, как же я хочу —
Нечуемый никем —
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем.

А ты в кругу лучись —
Другого счастья нет —
И у звезды учись
Тому, что значит свет.

Он только тем и луч,
Он только тем и свет,
Что шепотом могуч
И лепетом согрет.

А я тебе хочу
Сказать, что я шепчу,
Что шепотом лучу
Тебя, дитя, вручу.

О. М. 23.03.1937

Осип и Надежда

Они встретились первого мая в Киеве и расстались второго в Саматихе, что в мещерской глуши. Между встречей и прощанием прошел один день и 19 лет.

1

*И холодком повеяло высоким
От выпукло-девического лба...*

Экспозиция встречи: Киев, Первомай 1919 года, вечер в излюбленном месте сбора киевской богемы — кафе «ХЛАМ», что в подвале гостиницы «Континенталь» на Николаевской. Стайка Художников, Литераторов, Артистов и Музыкантов (из этих букв и складывалось название «ХЛАМ») отмечала 26-летие литератора Александра Дейча (впрочем, по старому стилю). Вокруг юбиляра — Эренбург, Терапиано, Тычина, Георгий Нарбут, Юренева и еще с десятков друзей, и среди них 19-летняя Надя Хазина, юная художница, ученица Экстер и Рабиновича. Неожиданно вошел Мандельштам — он как раз жил в «Континентале» — и направился прямо к этой живописной группе. Боковым зрением он сразу же выхватил из стайки «прекрасную киевлянку» — ее высокий, наполовину спрятанный под челкой, лоб, и прямой и дерзкий, с вызовом, взгляд. У самого столика он остановился и с несвойственной ему галантностью произнес: «*Осип Мандельштам приветствует прекрасных кивлянок (поклон в сторону Нади Х.) и прекрасных киевлян (общий поклон)*». Между ним и ею словно бы протянулся незримый электрический провод. И когда Мандельштама попросили почитать стихи — он охотно согласился. «*Читал с закрытыми глазами, плыл по ритмам... Открывая глаза, смотрел только на Надю Х. Видно...*»¹.

¹ Мандельштам Н. Вторая книга. М.: Согласие, 1999. С. 21.

На этом дневниковая запись Дейча обрывается, но «видно» одно: в этот вечер сравнение заезжего поэта с тетеревом на току, при всей своей прозаичности, не было бы неточным. Потом они долго гуляли по-над Днепром, ходили на Владимирскую горку, и в ту же ночь — *«легко и бездумно сошлись»*¹.

А наутро, 2 мая, было написано стихотворение «Черепаха»:

На каменных отрогах Пиэрии
Водили музы первый хоровод,
Чтобы, как пчелы, лирники слепые
Нам подарили ионийский мед...

2

*Черная ночь. Душный барак.
Жирные вши...*

2 мая 1938 года, экспозиция прощанья.

Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна — в доме отдыха «Саматиха» в Мещере, что под станцией Черусти Муромской железной дороги. Путевки на два месяца им выдали в Союзе писателей: добрый знак. Срок путевок истекал только 8 или 9 мая, но мандельштамовский срок уже начался: 30 апреля был выписан ордер на его арест, 1 мая в санаторий прибыла опергруппа, удостоверилась в наличии жертвы, но брать ее в Первомай не стала. И только погуляв ото всей души с приехавшим расслабиться районным начальством, только выпив,

¹ «На Лубянке, — пишет В. Шенталинский в «Огоньке», — подчистили и последние следы дома, личной жизни: чемоданчик, помочи, галстук, воротничок, наволочку, деревянную трость... На анкете, заполненной Мандельштамом, кто-то нарисовал сверху: «Террор» — и подчеркнул дважды, видимо, в этом направлении предполагалось «вести» арестованного дальше».

заночевав и протрезвев, негромко и застенчиво постучались они рано утром 2 мая в двери небольшого, отдельно стоящего домика — избы-читальни, где жили Мандельштамы, и предъявили свои полномочия.

Обыска как такового не было: просто в заранее приготовленный мешок бросили паспорт и вытряхнули все содержимое чемодана — рукописи и книги. Вся операция заняла не больше 20 минут.

Проводить мужа Надежде Яковлевне позволено не было¹. Ее продержали еще несколько дней в Саматихе и только 5 мая отпустили. А в ночь перед арестом ей снились иконы: сон не к добру.

Больше она мужа уже никогда не видела. Жить Осипу Эмильевичу оставалось без малого восемь месяцев. Из них три с лишним в тюремных камерах — в знакомых ему уже Лубянке и Бутырке, с допросами, ожиданием приговора и приговором (5 лет исправительно-трудовых лагерей на Колыме), месяц с лишним на этапе, замкнувшемся на станции «Вторая речка», что под Владивостоком, на берегу океана, и три с половиной месяца в бараке транзитного лагеря, из них последние несколько дней — на постели лагерной больницы. Он умер 27 декабря 1938 года в 12 часов 30 минут.

В эпиграфе к этой главке — последние стихи, которые приписывают ему молва и память очевидцев.

¹ Ей удалось вырваться из Саматихи только 6 мая, когда на узенькой бумажке со штемпелем и круглой печатью здравницы «Саматиха» ей выдали справку: «Тов. Мандельштам Н.Я. находился на отдыхе в пансионате «Саматиха» с 8/III-38 по 6/IV включительно. Диагноз: Myocarditis chr. Gastritus chronic». За главврача:...» (Маленькая, но примечательная деталь: подпись неразборчивая, но во всяком случае не Фомичева.) (Архив О.Э.Мандельштама (Принстон, США), т 111.377).

3

*...И блаженных жен родные руки
Легкий пепел соберут...*

Девятнадцать лет между этими датами не были сплошными. В августе 19-го года Осип пробирался из Киева в Крым без Надежды, присоединиться к нему позже ей не удалось, и только через полтора года — в начале апреля 1921-го — он приехал в Киев и теперь уже навсегда увез с собой Наденьку (так он называл ее на людях). Но были разлуки и потом: в середине 20-х месяцами жила Надежда в Крыму, где лечилась от туберкулеза, — Осип метался в это время между ленинградскими и московскими редакциями, истово зарабатывая на жизнь и на лечение жены. Неделями пропадала она в Москве и во время воронежской ссылки, уезжая туда по делам мужа. Так что совместной жизни в буквальном смысле слова наберется от силы 17 лет.

Но это были 17 лет такой интенсивности и такой совместности, что интенсивнее и совместнее просто невозможно и представить. Они были абсолютно неразлучны (наваждение романа с Ольгой Ваксель — пожалуй, единственное исключение), повсюду появлялись вдвоем, и то, что она помалкивала и кому-то казалась лишь тенью поэта, ничего не меняло в их подлинном раскладе: они были вместе и были этим счастливы. Вместе и только вместе могли они противостоять той несовместимой с творчеством атмосфере, которой было «нельзя дышать» в стране, «чутья которую под собой» становилось с каждым годом все невозможней.

В 30-е годы, после «Волчьего цикла», когда Мандельштама перестали печатать, но в особенности после ареста 1934 года, Надежда старалась не только переписать и отдать на хранение, но и запомнить каждое новое стихотворение, благо их было тогда немало — армянские, московские, уральские (по фактуре), воронежские, савеловские.

Сочинялись стихи и в Саматихе. Канув в чекистский мешок, они канули в Лету: запомнить их Надежда Яковлевна не успела. Утрата не записанных и не запомненных стихов жестко

указала ей на ее собственное предназначение: сохранить для людей стихи. От хранения архива у себя она почти сразу отказалась и доверила этот чемоданчик другим (ведь она и сама в любой момент могла загреметь в Лету: в Струнино, где она в 1938 году работала на ткацкой фабрике, за ней уже приходили). Время от времени содержимое чемоданчика пополнялось: верные и бескорыстные друзья, такие как Наталья Штемпель, возвращали ей и то, что хранили, и то, что имели.

Ее собственным орудием спасения стихов была ее память — и списки, которые она составляла, руководствуясь своей памятью, составляла и отдавала на хранение и на распространение. Постепенно перебравшись через многие границы, они достигли США, где и состоялось второе поэтическое рождение печатного Мандельштама — в альманахе «Воздушные пути» и в томиках «американки» — собрания сочинений под редакцией Струве и Филиппова. С выходом в 1960-е годы томов вашингтонского издания Надежда Яковлевна успокоилась и даже принялась за воспоминания. Но выполненной окончательно свою миссию она признала только в 1970-е, когда на Запад — сначала во Францию, а потом и в США (Принстон) переправился и тот заветный «чемоданчик» — архив Мандельштама. К этому времени вышли на Западе и обе ее замечательные книги, в которых она сказала о Мандельштаме и об эпохе все, что хотела, и так, как хотела.

4

Еще в Киеве между ними, по уши влюбленными, зародилась своего рода игра в ведомого и ведущего, в «отца» и «дочку». В их лексикон навсегда вошли слова «дитятко», «дитя», «дочка», «Надик», «нежняночка», встречаемые и в письмах, и стихах.

И когда Осипа не стало, роль ведущей переняла Надежда. Она провела его стихи через все трудности и опасности и вывела их на свет.

А «тому, что значит свет» поэт всю жизнь учился у звезд и учил ее, и она училась.

Павел Нерлер

Мандельштамовский проект

Памятник Осипу и Надежде Мандельштам на территории Санкт-Петербургского государственного университета — чрезвычайно важный этап в творчестве голландского скульптора Ханнеке де Мюнк. Такая же скульптурная группа в ближайшее время будет установлена на территории Амстердамского университета. Эта параллель утверждает духовную близость российской и голландской культур, чрезвычайную значимость общих человеческих ценностей.

Увлечение русской поэзией и русской художественной культурой Иоханна де Мюнк разделяет со своим супругом — художником Ситсе Баккером. Еще в 2003 году, в ознаменование трехсотлетия Санкт-Петербурга, Голландия преподнесла нашему городу подарок — выставочный зал в отреставрированной потерне Петропавловской крепости. И первыми в новом зале были выставлены графические работы Ситсе Баккера на темы русской поэзии «серебряного века» и авангарда.

Поэзия и творческий путь Осипа Мандельштама всегда занимали особое место в понимании России и ее художественной культуры для обоих художников. И не только о русской культуре может идти речь: цикл стихов Мандельштама «Армения» стал ключом к армянской культуре для Ханнеке и Ситсе.

Ханнеке де Мюнк получила классическое образование в Голландии, где она обучалась сначала в Королевской академии в Гааге, а затем в Государственной академии в Амстердаме. Ее творчеству присущ не только интерес к античной традиции, искусству этрусков, но и увлечение архаикой, выразительной силой искусства примитивных культур, глубокое понимание достижений классического авангарда 20 века. Круг тем, над которыми работает скульптор, определился довольно давно. Интерес к движению человеческой фигуры в пространстве нашел выражение в серии работ, посвященных танцу, для которых «по-

зировал» танцующий натурщик. Важным моментом в этой работе была классическая музыка, определявшая движения модели. Так возникла серия работ «Орфей».

Образ алтаря определил ряд замечательных работ драматического звучания, в которых автор стремилась осмыслить тему земной судьбы человека.

И наконец «фонтаны любви» — тема, развитием которой является памятник Осипу и Надежде Мандельштам. Драматическая судьба поэта, человеческий и гражданский подвиг его жены, сохранившей память и творчество поэта для наших дней, любовь, пронесенная ею через долгие годы, явились вдохновляющим источником для творчества Ханнеке де Мюнк.

Художественному мышлению скульптора присущ аллегоризм, определяемый глубоким знанием мировой культуры, как классической, так и современной, любовью к музыке, литературе и поэзии. Это составляет естественный контекст, в который вписывается каждое глубокое произведение. Это несколько необычно для современной художественной практики, в которой зачастую берет верх стремление к ярким внешним эффектам. Этим определяется и то, что от зрителя работы Ханнеке де Мюнк ждут внимательного, вдумчивого отношения, сотворческого усилия, основанного на глубокой эрудиции.

И особого уважения заслуживает стремление художника «броситься на помощь духовной жизни и воодушевлению мира» в условиях, когда неверие, материализм и потребительство захлестывают жизнь современного общества.

Далее о своей работе расскажет сама Ханнеке де Мюнк.

Александр Григорьев

Ханнеке де Мюнк.

Пояснение к работе

В то время, когда она получала классическое образование, древнегреческий скульптор Фидий считался эталоном, а Майоль и Деспю являлись признанными мастерами своего времени, которые вернули скульптуре классические пропорции, равновесие и жесты (или позы), а также вновь стали использовать растительный орнамент.

Перед студентами была поставлена задача – найти собственный стиль и развить его в рамках работы с человеческой натурой. Творческие поиски протекали в гуманистической манере, так, как было описано у Герберта Рида («Современная скульптура», глава 1, вступление). Таким образом, студенты воспитывались в любви к классическим традициям, которые они должны были признавать и сохранять.

Сами преподаватели являли собой яркий пример такого воспитания. Однако в своем творчестве они не стояли на месте: деформация, упрощение, влияние народного искусства, ар-нуво, экспрессионизм все же не мешали им соблюдать четкость форм, которую они впитали из основного течения.

Обучаясь в Королевской академии, Ханнеке де Мюнк нашла великолепную форму для своих скульптур, в которых отражалась бы та свобода, которой мы, люди, обладаем в рамках своей природы, а именно – для «Танцоров»!

С другой стороны, ее привлекали авантюризм и смелость новых течений в современном искусстве. Например, Осип Цадкин, Шарлота ван Паландт, Генри Мур, Марино Марини, Перл Перлмуттер. Наряду с этим на ее творчество повлияло средневековое религиозное искусство и скульптура эпохи Возрождения.

«Танцор»

В 1989 году владелец галереи Эрнст Ван дер Воссен в своей статье для журнала «Tableau» писал: «Модель в ее ателье танцевала. Обычно натурщик сидит или стоит почти неподвижно, поэтому кружащаяся фигура, связанная с землей, но все же парящая, демонстрирует нам совсем иную интерпретацию темы. Шелковый костюм развевался во все стороны, сила тяготения оставляла свои объемные следы. Скульптор и модель черпали свое вдохновение в фортепианных концертах Шопена и сонатах для виолончели Баха. За первыми этюдами в глине последовали небольшие фигуры в бронзе, а затем – рисунки в натуральную величину и картины, и все это вылилось в целый ряд скульптур средней величины. Поездка в Грецию (где в Афинском национальном археологическом музее можно увидеть такие известные бронзовые скульптуры, как знаменитый Посейдон) и многолетнее преклонение перед Никой Самофракийской (Лувр) оставили свои отголоски в ее творчестве: скульптуры, изображающие танец, – это классическое воплощение образа сумасшествия, свободы и радости. Танец зовет, кричит и окрыляет. Два года доверительного диалога между материей и мыслью запечатлены в скульптуре, графике и живописи».

За 25 лет творческой жизни различные течения слились в ее произведениях в два основных направления: «Алтари» и «Фонтаны любви».

Работа над алтарями тоже повлекла за собой новый проект: в Словакии, во время подготовки к работе с деревом, ее вдохновили средневековые алтарные скульптуры. При этом в алтарных композициях всегда объединяются несколько художественных форм, поэтому сотрудничество является жизненно важным.

Каждый раз она приглашает еще одного художника для совместной работы над алтарем.

Свои алтари она посвящает тем силам в человеке, которые она считает святыми. С помощью этих скульптур, или, собственно говоря, инсталляций, она надеется вернуть

эти святые силы людям. Это ее реакция на современную отчужденность от природы, от связи со всеми живыми существами и от духовного мира.

При исследовании новых форм для традиционного применения в скульптуре Ханнеке сама бросает себе вызов: надеть традицию современной формой, позволить ей вновь занять свое место и вдохнуть в нее новую жизнь. Ее художественные взгляды приближают ее работы к примитивной скульптуре — они просты, полны движения и жизни. В последние годы в ее работы в бронзе стали отличаться все более внушительной подвижностью, она все чаще сочетает фигуративное искусство с абстрактными по форме элементами. Возникает ощущение сильного воздействия и благодаря этому — огромное количество возможностей для ассоциаций. Она не пытается разрушить границы художественных стилей, классического и прочего искусства. Ее творчество имеет четкую личную направленность, что для нее очень важно. Эту направленность она формирует своими руками и своим стремлением придать форму человеческим ценностям.

Возможность распознать скульптуру, с ее абстрактными элементами, она считает важным условием коммуникации.

«Монумент возник из серии этюдов для “Памятников Любви”. Когда я думаю о памятнике любви, то представляю себе фонтан — земля и вода соединяются, чтобы вознести любовников, выполненных в бронзе. Тела моих влюбленных частично соединены. Подобный образ я видела в иллюстрации к Библии IV в. При воспроизведении двух объединенных тел возникают почти те же проблемы, что и с фигурами танцоров: сведение воедино различных моментов движения (и различного внешнего вида); переход одной формы в другую. Мне хотелось создать естественный образ влюбленных.

Создавая фонтаны, я использую старые элементы: чаша и купель, которые содержат живую воду, кельтский столб и Древо мира, квадрат для земли и четыре направления ветра, кариатиды и мойры. Горизонталы и вертикали в композиции воссоздают связь с землей и всеми живыми существами и с духовным миром и вселенной».

В грубых чертах мы обрисовали предысторию творческой манеры Ханнеке де Мюнк и развитие ее воззрений на скульптуру, которые она воплотила в «Памятнике Любви» в память об Осипе и Надежде Мандельштам.

Далее вы прочтете ее записи о монументе.

О памятнике Осипу и Надежде Мандельштам

Поэзия Осипа Мандельштама зародила во мне образ памятника, а книги Надежды об их жизни — идею о духе монумента. Речь идет об атмосфере совместного полета к цели, путешествии по жизни, наполненном смятением (об этом говорят несколько направлений, в которые обращена композиция), яркой индивидуальности (это отразилось в подробной проработке голов) и нерушимой связи в их преданности живому слову. Мне хотелось представить их как героев человечности, которые своей любовью к живому слову одержали победу над террором. Жизнь Мандельштама была полна угнетения, но он считается величайшим русским поэтом своего века. А Надежда, которая берегла в своей памяти его стихи, пока спустя много лет после его смерти их не опубликовали, в своих мемуарах описала историю силы человеческого духа, которая еще многих вдохновит.

Я не могу охватить творчество Мандельштама в полном объеме, но оно манит и очень притягивает меня. Я воспринимаю его стихи ярко и живо, и они часто вызывают во мне поток ассоциаций, которые пробуждают во мне радость судьбоносной встречи. Я восхищаюсь силой изобразительного мастерства Осипа Мандельштама.

Объединенную фигуру четы Мандельштам я укутала в большой старый русский жакет. Их головы, тем не менее, имеют ярко выраженную индивидуальную форму, для их создания я использовала все имеющиеся в наличии фотографии. Я изобразила Осипа Мандельштама

молодым, еще полным сил человеком, с типичным для него положением головы. В его руке — книга, обычный атрибут поэта. У Надежды тоже молодое лицо, ее правая рука лежит на сердце. Вместе они формируют диагональ, которую я обычно использую, чтобы создать ощущение пути или полета. Небольшой столб в форме ствола дерева приподнимает пару. Вся композиция напоминает дерево. Те формы, которые я использую, отсылают нас к различным образам и порождают всевозможные ассоциации, что связывает мой памятник и творчество Осипа Мандельштама. Во время работы над этой скульптурой я часто думала об «Акмеизме» Мандельштама (1913, изд. 1919): объекты живой природы получили имена. Каждое название, например, «дерево», обозначающее соответствующее понятие, имеет долгую историю, в течение которой это слово все более развивалось. Таким образом, слово «дерево» начало жить. Слово наполнилось собственной жизненной силой. «И вокруг вещи слово блуждает свободно», — так писал Осип Мандельштам в своей статье «Слово и культура» (1921). Когда я придаю колонне форму ствола дерева, которое, подобно ветви, пробивается вверх, у меня возникают следующие ассоциации: подвижность, пространство и любовь к природе, бренность в стихотворениях Мандельштама, само его имя, миндальное дерево, уязвимость поэта и его жены. По стволу проходит линия — от корней и по всей крылатой фигуре, будто змея. Фигуры с крыльями над парой олицетворяют вдохновляющие и оберегающие силы, которые окружали чету Мандельштам, но они также таят в себе и зловещую угрозу. Таким образом, я хотела изобразить оксиморон — сочетание несочетаемого — художественный прием, который часто использовал Мандельштам в своих произведениях.

Фонтан зависит от дождя

Ханнеке де Мюнх

Послесловие

Мы очень рады и польщены, что памятник установлен именно в Санкт-Петербурге.

Этого бы не произошло без помощи, всесторонней поддержки и усилий многих людей. В первую очередь мы бы хотели поблагодарить Санкт-Петербургский государственный университет за готовность предоставить этому памятнику такое достойное живописное место. И в этой связи нам бы хотелось высказать признательность ректору университета, профессору Н. М. Кропачеву, а также профессору Татьяне Юрьевой за ее поддержку и деятельность в рамках проекта, и профессору Уралову за то, что помог найти это место.

Неоценимый вклад внес Голландский институт в Санкт-Петербурге. Мы никогда бы не справились и не завершили проект без согревающей душу поддержки и помощи Милы Шевалье, Анны Выборовой и других сотрудников института.

Александр Григорьев с самого начала также стал важным участником. Его дружба, забота и опыт общения с российским миром искусства заложили прочную базу для всего процесса.

Мы бы хотели особо отметить вклад Хачатура Белого, который создал достойный постамент и осуществил установку памятника. Результатом наших переговоров стал гармоничный скульптурный образ, несущий в себе наши общие взгляды и чувства. Мы также не можем не упомянуть Марину Ланину, супругу Хачатура, которая помогала решать организационные вопросы.

Мы очень признательны Александру Григорьеву и Павлу Нерлеру за те статьи, которые они написали для этой брошюры.

Члены попечительского совета оказывали нам всестороннюю помощь, и потому сейчас мы хотим поблагодарить тех, кто еще не был упомянут: директора Музея Анны Ахматовой

в Фонтанном доме Нину Попову, директора Музея В. В. Набокова Татьяну Пономареву, атташе по культуре Шенга Схейена, Вима Боса из амстердамского книжного магазина «Пегасус», переводчицу Анну Стоффел, профессора славистики Амстердамского университета Виллема Г. Вестстейна, директора центра «Эрмитаж Амстердам» Эрнста Веена. Мы также выражаем свою признательность Посольству Нидерландов в Москве и Генеральному консульству Нидерландов в Санкт-Петербурге.

Особая благодарность — тем организациям, которые финансировали этот проект, а именно: Фонду Вильгельмины Э. Янсен, Фонду Иона, господину Й. Бринкхорсту и Фонду поддержки проектов в области искусства «Собеседник».

«Приятно быть собеседником» и «приятно иметь хорошего собеседника».

Содержание

Предисловие	3
Введение (Х. де Мюнк, С. Х. Баккер)	4
Памятники (П. Нерлер)	6
История создания памятника Осипу и Надежде Мандельштам (Х. де Мюнк)	8
«О, как же я хочу...»	11
Осип и Надежда (П. Нерлер)	12
Мандельштамовский проект (А. Григорьев)	19
Ханнеке де Мюнк. Пояснение к работе (Х. де Мюнк)	21
Послесловие	26

Татьяна Юрьева (2008),

директор Музея современного искусства СПбГУ и Центра искусств им. С. П. Дягилева,
профессор, доктор искусствоведения

Город, знакомый поэту до слёз, принимает художников, посвятивших не один год своей жизни творчеству великого поэта. Я благодарна голландским художникам за то, что снова оказалась в плену О. Манделштама...

Ханнеке де Мюнк создала очень интересную скульптурную композицию, посвящённую Надежде и Осипу Манделштам. Летящие фигуры Н. и О. Манделштам, охраняемые ангелом, трагичны и одухотворены.

Ханнеке очень сильный скульптор, владеющий классической традицией ваяния. Она нашла своё поле в западном искусстве, корректно сочетая классику и современность. Это же свойство отличает и данное произведение, камерное по своему характеру и абсолютно самостоятельное, выстраданное, вдохновенное, пронизанное преклонением перед этой четой.

Татьяна Пономарева (2008),

директор Музея В. В. Набокова

Насколько я знаю, памятники Осипу Мандельштаму есть в других городах России, но все они подчеркивают трагизм и одиночество поэта в неравной борьбе со злом. В Вашей же работе впервые соединены Осип и его Надежда.

История Осипа и Надежды Мандельштам навсегда останется символом любви, преданности и победы над забвением.

Наверное, по этой причине памятник, созданный Вами, получился очень светлым, несмотря на то, что он посвящен памяти поэта, прожившего трагическую жизнь.

Нина Попова,

директор Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме

Для множества людей, ценящих поэзию Мандельштама и преданность его жены, это станет памятным знаком их вечного присутствия на этой земле.

Ханнеке де **Мюнк**, Хачатур **Белый**

Осип и Надежда Мандельштам

Выпускающий редактор Е. П. Чебучева

Художественное оформление С. В. Лебединского

Иллюстрации на с. 16, 17 и 4-й странице обложки Ситсе Х. Баккера

Никакие материалы из этой брошюры не могут быть размножены без письменного согласия Фонда поддержки проектов в области искусства «Собеседник».

Подписано в печать 28.04.2010. Формат 210x210. Тираж 400 экз. Заказ № 92.

Stichting de Gespreksgenoot / Sobesednik voor Kunstprojecten

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

Отпечатано в ОАО ИПП «Искусство России»,

Санкт-Петербург, ул. Промышленная, дом 38, корп. 2.

www.hannekedemunck.nl

www.stichtingdegespreksgenoot-sobesednik.nl

www.makha.su

www.nispsb.ru

AAA Movers **Wilhelmina E. Jansen Fonds**

iona stichting www.visumvoorusland.nl

© А. Григорьев, П. Нерлер, 2010

© Ситсе Х. Баккер, графика, 2010

© С. В. Лебединский, оформление, 2010

Sobesednik

Подивлюсь на мир еще немного,
Но улыбка неподкупна, как дорога,
На детей и на снега,
Непослушна, и слуга. 1916
О. Мандельштам